

С. В. БЕРЕЗКИНА *

ТЕМА ПРОКЛЯТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО (ОТ «ХОЗЯЙКИ» К «ПРЕСТУПЛЕНИЮ И НАКАЗАНИЮ»)

Ключевые слова: проклятие как религиозный и социально-общественный феномен, «социальное проклятие» («Хозяйка», «Униженные и оскорбленные», «Записки из подполья», «Зимние заметки...»), «Преступление и наказание»).

Феномен проклятия рассмотрен в статье как факт жизни не столько религиозной, сколько социально-общественной. Художественная разработка Достоевским явлений, предполагающих некое проклятие, шла в русле идейной борьбы того времени, причем самого передового отряда литераторов. В статье приводятся примеры единодушия Достоевского с ними в решении сложных этических проблем, порождающих проклятие и порожденных им, а также и полемических расхождений, характеризующих его оригинальную философско-религиозную и общественную позицию.

Проклятие — человеческое, Божие — интересовало Достоевского на протяжении длительного времени как феномен жизни не столько религиозной, сколько социально-общественной. Этот интерес был обострен у него именно в период, своеобразным итогом которого стала работа над «Преступлением и наказанием»; затем он несколько затухает, поскольку писатель, по-видимому, определился в своем понимании этого феномена. Художественная разработка Достоевским явлений, предполагающих некое проклятие, шла в русле идейной борьбы того времени, причем борьбы, в которой принимал участие самый передовой отряд литераторов, критиков, публицистов. Изучение связанных с темой проклятия страниц в наследии Достоевского показывает его единодушие с ними в решении сложных этических проблем, порождающих человеческое проклятие или порожденных им, а также полемические расхождения, характеризующие его оригинальную философско-религиозную и общественную позицию.

В творчестве Достоевского есть два произведения, в которых проклятие играет сюжетобразующую роль, — это «Хозяйка» (1847) и «Униженные и оскорбленные» (1861). Катерина, героиня «Хозяйки»,

* Светлана Вениаминовна Березкина, д-р филол. наук, ст. научн. сотр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН — s.berezkina@mail.ru.

считает, что она живет под проклятием матери, которая так и умерла, не произнеся над ней разрешительного слова. Сразу же нужно подчеркнуть, что для русского человека, причем из всех сословий, не было более страшной участи, как быть проклятым отцом или матерью. В рассказе Н. А. Полевого «Крестьянин» («Рассказы русского солдата»; 1833) разгневанный отец говорит своей дочери и ее избраннику: «...женитесь, где хотите, живите, как хотите, — только с этого часа нет на вас моего родительского благословения; будьте вы прокляты отныне и до века; пусть у вас дети будут проклятые; не сойди ни дождь, ни роса на ваше поле, ни Божие благословение в вашу семью!»¹ Проклятую дочь муж приводит в свою родную семью, но ее не принимают и там (потому что она проклята). Спустя годы отец, кстати, по просьбе священника, прощает дочь: «Не знал я прежде, как сильно я люблю тебя, и что если и сниму я отцовское проклятие, будешь ли ты от этого счастлива? Чем заплатишь ты Богу за мои слезы? Ну, да Бог вас простит, а я прощаю!»² Неудивительно, что семья эта, как бы сама собой, гибнет, а муж становится солдатом.

Столь ясный, как в рассказе Полевого, однозначный взгляд на родительское проклятие постепенно вытеснялся и из русской жизни, и из русской литературы. Стремление к эмансипации личности и позитивистский взгляд на те стороны семейно-общественной жизни, которые ранее воспринимались как табуированные, определили изображение сюжетного отвлечения в «Хозяйке», связанного с проклятием. Ордынов, образованный человек, из дворян, поражен тем, что рассказывает о себе и своей жизни Катерина. По ее словам, она проклята матерью, которая перед своей смертью успела увидеть в ней свою «злую» соперницу³. Любовником и, по-видимому, мужем Катерины стал Мурин — тот, кто ранее, многие-многие годы, был любовником ее матери (кстати, по церковным канонам такое сожительство — с матерью, а затем с дочерью — является смертным грехом; это инцест). Мурин, как намекает в своем рассказе Ордынову героиня, убил и ее умирающую мать и затем отца. Мурин же уверяет Катерину, что она совершила смертный грех, погубив их. Он ее и «лечит», заставляя чуть не ночи напролет молиться и «отчитывая» ее страшными молитвами по старинным книгам (а эти молитвы, из разных требников и рукописных сборников, по которым «отчитывают» душевнобольных, могут испугать любого)⁴.

Ордынов, несомненно, видит душевную поврежденность Катерины, но он видит и нечто большее — те способы, которыми хитрый старик удерживает при себе молодую красавицу. Религиозное воздействие (по сути дела, насилие) имеет при этом первостепенное значение.

¹ Полевой Н. А. Избр. произведения и письма / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. А. Карпова. Л., 1986. С. 157.

² Там же. С. 159.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб., 2014. Т. 2. С. 40.

⁴ См. об этом подробнее: Там же. С. 628–629 (коммент. С. В. Березкиной).

Внимание Ордынова не задерживается ни на материнском проклятии, ни на порче, о которой твердит сама Катерина. Ордынов считает, что его чистая и горячая любовь, свободная от эгоистичных, своекорыстных побуждений, способна спасти и исцелить Катерину, ее душу. Ему это не удастся, и Катерина остается в руках жестокого манипулятора.

Равнодушие к «мистике» родительского проклятия является ли особенностью лишь образа Ордынова? По-видимому, нет. Здесь сказало убеждение самого Достоевского, его рациональный взгляд и его размышление над такой животрепещущей темой современной жизни, как родительское проклятие. Подтверждение этому мы можем найти в романе «Униженные и оскорбленные», где вновь звучат проклятия. Применительно к ситуации в семье Николая Сергеевича Ихменева необходимо сказать следующее. Проклятие дочери, причем дважды, исторгается у Ихменева изначально не после ухода Наташи из дома, а под воздействием его потрясенной гордыни: во втором случае, как он говорит, «навек», с отказом ей в «своем родительском благословении» — после того, как получает оскорбление от Валковского и лично, и в его доме⁵. Говоря об Ихменеве, Достоевский неоднократно подчеркивает в романе его гордость⁶.

Меняет ли что-либо это проклятие в самочувствии героев и движении событий вокруг истории Наташи и Алеши? Почти ничего. Наташа отцовского проклятия не боится, что странно для девушки, получившей вполне традиционное воспитание в деревенской глуши. Проклятие видимым образом изменило лишь жизнь стариков-родителей, сделав ее по-настоящему мучительной. То есть и в этой ситуации мы видим взгляд на проблему человека просвещенного, образованного, гуманного, чуждого религиозной, «темной мистики». И уповающего, что важно, на любовь людей, покрывающих грехи друг друга и оказывающих взаимное уважение и поддержку.

Более сложной выглядит ситуация с Нелли и ее матерью. Дедушка (Смит) не прощает мать Нелли, свою дочь. Мать (Смитиха, как ее называет один из персонажей) умирает, непрощенная своим отцом. Она умирает и с проклятием своему соблазнителю, отцу своей дочери... Нелли также умирает с проклятием, не простив своего отца.

Для того чтобы это было убедительно в романе из русской жизни, Нелли должна была, как мне кажется, приехать в Россию откуда-то издалека. Потому что положительный русский герой должен умирать, примирившись со всеми. Вспомните, как умирает Туберозов в «Соборянах» (1867) Н. С. Лескова. Кротчайший друг его, отец Захария, не только умоляет, но и угрожает ему во время последней исповеди: «...будь мирен! прости! <...> Коль не простишь, я не разрешу тебя...»

⁵ Там же. Т. 3. С. 442.

⁶ См. об этом: *Лосский Н. О.* Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 223.

И когда тот прощает, припоминая стихи из заукояного 118-го псалма, Захария «с улыбкой духовного блаженства взглянул на небо и осенил лицо Савелия крестом»⁷. Впрочем, без примирения умирает в «Преступлении и наказании» и Катерина Ивановна. Но все ее последние дни свидетельствуют об иступлении, помешательстве и болезни, поэтому здесь иной спрос.

В книге «Мирозерцание Достоевского» (1923) Н. А. Бердяев настаивал, что Достоевский не теолог, но антрополог, и для него самое главное — это человек. Именно поэтому как религиозный мыслитель, как человек, который ищет Божью правду, он абсолютно свободен⁸. История Нелли и ее матери подтверждает это. Достоевский спрашивает через их судьбы: как быть с этим огромным страданием?! почему человек должен прощать эту неугасимую злобу, это коварство, этот цинизм, а по сути — это убийство?! И читатель оправдывает его поиск, воспринимая со светлым сочувствием решимость Нелли уйти именно такой — несломленной, отвергающей мир «богатых», непримиримой в отношении своего отца. Автор «Униженных и оскорбленных» не знает решения проблемы страдания, проблемы погубленной человеческой жизни, и та закваска новейших учений, которую он вкусил в молодости, не дает его душе успокоиться на простом решении, против которого протестует его совесть.

История двух героинь «Униженных и оскорбленных» касалась вопроса о родительской власти, возбуждавшего всё более и более жаркие споры среди литераторов. Родительская власть в Российской империи была огромной и опиралась на мощную законодательную основу. Так, брак мог заключаться только с согласия родителей. Жалоба отца или матери на свое чадо могла привести к тому, что его могли отправить в монастырь на исправление (т. е. полиция была обязана заниматься непослушными детьми, если к ней поступала жалоба). Всё это находилось в области гражданского законодательства, но было еще и уголовное — с суровыми статьями об оскорбителях отца и матери.

Почти одновременно с «Униженными и оскорбленными» (в том же 1861 г., но чуть позже, в конце года) в печати появилось еще одно произведение, в котором был резко поставлен вопрос о родительском проклятии. Это «Молотов» Н. Г. Помяловского. Героиню повести, Надю Доброву, отец просватал за крупного чиновника. Она же любит Молотова, и они хотят соединить свои судьбы. Как же расстроить уже состоявшийся сговор? Череванин, друг Молотова, рассуждает по поводу ситуации в семье Нади: «Но что, если благочестивый родитель вздумает припугнуть ее проклятием и лишением вечного блаженства, — устоит ли Надежда Игнатьевна? Против воли отца и матери редко кто

⁷ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 4. С. 284–285.

⁸ См.: Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 17.

устоит. Сколько бы проклятий рассыпалось у нас на Руси, когда бы все захотели выходить замуж по своему выбору. Отчего это не запретят проклинать детей своих — запрещено же их убивать?.. <...> О, будьте же вы прокляты сами, проклинающие детей своих!»⁹ В этом же монологе Череванина есть такой пассаж: «Запретят!.. еще пустое слово: запрет ни к чему не ведет»¹⁰. Речь идет, и литературный лагерь, собравшийся вокруг «Современника» и «Русского слова», это хорошо понимал, о сложнейшей работе по перестройке сознания русского общества, и «запрет» здесь был действительно бессилён.

Неудивительно, что вопроса о родительском проклятии касается и Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?» (1862). Марья Алексеевна, мать Верочки, размышляя о том, как заставить дочь выйти замуж за Сторешникова, намеревается пустить в ход родительское проклятие, как пишет Чернышевский, «с объяснением, что оно сильно, — даже земля, как известно, не принимает праха проклятых родителями». Чернышевский смеется над ее коварством, подчеркивая, что свое проклятие мать намеревалась пустить «как десерт»¹¹. В изображении Чернышевского это просто инструмент циничного насилия над человеком.

Еще ранее, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1856), Чернышевский с большим сочувствием приводил цитату из обозрения Белинского «Русская литература на 1843 год» (1844)¹², где высмеивались ценности, прикрывавшиеся «родительским благословением»: «... где же повиновение родительской власти, где уважение к родительскому благословию, навеки нерушиму, где страх тяжкого отцовского проклятия?.. И потом, где уважение к общественному мнению, к общественной нравственности?» Белинский считал, что «выше всех добродетелей» ставится «повиновение не Богу, не истине, а эгоистическим расчетам», в то время как надо учить юношу «следовать свободному выбору сердца, как знамени благословения Божия», и запрещать ему «торговать священнейшими склонностями своей души»¹³.

В целом, именно новая генерация, пришедшая в литературу во второй половине 1850-х гг., громко заговорила о родительских проклятиях, обличая их как деспотизм и, главное, высмеивая веру в их мистическую силу. Н. А. Добролюбов в «Темном царстве» (1859) смеялся над простодушной верой в «отцовское проклятие» и ставил ее вровень с верой... в карточные гадания¹⁴.

Натиск на обычай угрожать непослушным детям проклятием шел в русле стремительно нараставшего движения за права женщин

⁹ *Помяловский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. и с коммент. И. Г. Ямпольского. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 232.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 11. С. 105, 106.

¹² См.: Там же. Т. 3. С. 256.

¹³ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 83, 84.

¹⁴ *Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 78.

и, конечно, был связан с таким всё более и более заметным явлением русской жизни, как гражданские браки (а это были не только вновь образовывавшиеся союзы, но и те, которые складывались после развода супругов). Г. А. Тишкин указывал, что сама идея гражданского брака появилась в России именно в конце 1850-х гг.¹⁵ Брачное законодательство Российской империи целиком зиждилось на церковных установлениях (именно их Лебезятников, разглагольствуя с Лужиным о семейных делах, называет в «Преступлении и наказании» предрассудками — 6, 282). Тонкая, изощренная пропаганда гражданских браков содержалась в выступлениях радикальных критиков и публицистов. Например, в статье Д. И. Писарева «Стоячая вода» (1861) читаем: «Вот вам образчик общественной логики: выйти замуж за человека, которого не любишь, — не беда; отдаться любимому человеку — стыдно и грешно»¹⁶. Консервативная печать с негодованием отвергала гражданский брак, считая его формой разврата, разрушительной для общественного устройства.

О связи «Униженных и оскорбленных» с движением за эмансипацию женщин писал в своей книге В. А. Туниманов¹⁷. Особое внимание он обратил на статью о романе Достоевского Е. Ф. Зарина под названием «Небывалые люди», напечатанную в «Библиотеке для чтения». По мнению Зарина, женская эмансипация на страницах романа Достоевского отразилась в виде фельетона и никоим образом не соответствует подлинным типам эмансипированных женщин. Вся жизнь Наташи Ихменевой сводится к тому, чтобы, как пишет Зарин, «эмансипироваться от обожания своих родителей и от своей обязанности не убивать их ни своей рукой, ни своим поведением»¹⁸. Роман Достоевского Зарин считал в высшей степени непедagogичным, поскольку он не в должном свете показывал «величайшее семейное зло»¹⁹.

Возрание Зарина отразило важную черту исторической ситуации. На историю Наташи, да и Нелли с ее несчастной матерью Достоевский смотрит с позиций, по его же словам, «христианского человеколюбия» — именно так он определял зерно всего эмансипационного движения в 1861 г. в «Ответе Русскому вестнику»: «...просвещение себя во имя любви друг к другу», «более человеколюбивые отношения к женщине» (19, 126, 127). Родительское проклятие или же благословение в его глазах не является решающим фактором того, сколь счастливо должна была сложиться жизнь этих женщин; Достоевский показывает трагичность их судеб, но не действительность «темной мистики». Подобные союзы — это вековечная история любящих и теряющих голову

¹⁵ См.: *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России (50–60-е годы XIX в.). Л., 1984. С. 54–55.

¹⁶ *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2000. Т. 3. С. 223.

¹⁷ *Туниманов В. А.* Творчество Достоевского. 1854–1862. Л., 1980. С. 168–169.

¹⁸ Библиотека для чтения. 1862. Т. 169, № 2. Совр. летопись. С. 32.

¹⁹ Там же. С. 40–41.

женщин. Об этом писал Б. Г. Реизов в своей статье, сравнивая героиню «Униженных и оскорбленных» с героинями Жорж Санд²⁰.

Можно ли считать, что «Униженные и оскорбленные» вливались в ряд произведений, проповедовавших терпимое отношение к гражданским союзам? По-видимому, да. Это было современное, актуальное повествование, предлагавшее относиться к молодежи, захваченной каким-то поветрием, не с формальных позиций родительского проклятия, рвущего в клочки жизнь согрешивших женщин, а с позиций уважения их выбора, с позиций любви и терпения. Для Достоевского расточаемые родителями проклятия не были чем-то мистическим. Их сила была в том, что они уродовали отношения между людьми, уродовали их злобно и жестоко. В этом он был близок с литераторами самого передового лагеря. Но, в отличие от них, Достоевский не смеялся над родительскими проклятиями, а анализировал трагедию человеческой жизни, вызванную необоримой любовной страстью.

Вернемся к проблеме страдания и проклятия, выраженного в образах Нелли и его матери. Достоевский вскоре вернулся к ее осмыслению под сильнейшим впечатлением от вновь вышедшей книги. Это были «Отверженные» В. Гюго, которые он прочитал летом 1862 г. Как показал Г. М. Фридлиндер²¹, на Достоевского огромное впечатление произвело маленькое вступление Гюго к своему роману, в котором он писал о «социальном проклятии», довлеющем над неимущими слоями и доводящем их до состояния «парий общества»: «До тех пор, пока силою законов и нравов будет существовать социальное проклятие, которое среди расцвета цивилизации искусственно создает ад и отягчает судьбу, зависящую от Бога, роковым предопределением человеческим; до тех пор, пока не будут разрешены три основные проблемы нашего века — принижение мужчины вследствие принадлежности его к классу пролетариата, падение женщины вследствие голода, увядание ребенка вследствие мрака невежества <...> до тех пор, пока будут царить на земле нужда и невежество, книги, подобные этой, окажутся, быть может, небесполезными»²². Социальное проклятие — это, по сути дела, каторга, панель, воровство.

Первым произведением Достоевского, в котором обнаруживается след идеи о «социальном проклятии», были, по-видимому, «Зимние заметки о летних впечатлениях», точнее, глава «Ваал», рисующая огромную массу лондонской бедноты. В главе дважды повторяется слово «подземный», которым Достоевский характеризует какую-то важную сторону жизни этой бедноты. В одном случае он называет «подземными» разные сектантские ответвления («мормоны, трясушки,

²⁰ Реизов Б. Г. «Униженные и оскорбленные» Достоевского и проблемы зарубежной литературы // Русская литература. 1972. № 2. С. 62–76. См. также: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 35 т. Т. 3. С. 630.

²¹ Фридлиндер Г. М. Достоевский и мировая литература. Л., 1985. С. 186–189.

²² Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1954. Т. 6. С. 6.

странники»), в другом пишет: «Эти миллионы людей, оставленные и прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме, в которую они брошены своими старшими братьями, ошущью стучатся хоть в какие-нибудь ворота и ищут выхода, чтоб не задохнуться в темном подвале» (5, 71). Новозаветный идейно-образный контекст главы «Ваал» диктует принципиальную важность того, что пир, с которого прогнаны «эти миллионы людей» (отголосок известного изречения Мальтуса о том, что не для всех есть место на жизненном пиру)²³, назван у Достоевского людским; ему должен противостоять евангельский брачный пир, на который Христос сзывает всех без разбора звания. Мир «прогнанных с пиру людского» соотнесен с подземельем, и это, несомненно, является отголоском «Отверженных». В главах под названием «Рудники и рудокопы» и «Самое дно» (ч. III, кн. 7) Гюго развивает образ подземного мира, скрытого под цивилизацией: на самом его дне, где «гаснет свет», живут «слепые» — «во мраке невежества», по словам Гюго, и «беспощадной ненависти»²⁴.

Достоевский пишет о тех, кого он видел на лондонских улицах в ночь на воскресенье: «Всё это несет свои еженедельные экономии, всё наработанное тяжким трудом и проклятием» (5, 70). В литературе встречается «проклятие» как синоним слов «труд», «работа» (в словарях синонимов это, однако, не зарегистрировано). Здесь имеется в виду ветхозаветный эпизод изгнания Адама из рая и то, как он обрекается на тяжелую работу («в поте лица») ради пропитания. Но здесь, в тексте Достоевского, «труд» и «проклятие» стоят рядом, и, значит, последнее не связано с «работой». Это именно «социальное проклятие» — проклятие бедности, бесправия, нищеты. В этом же лондонском эпизоде Достоевский описывает шестилетнюю девочку, удивляясь тому, сколько «проклятия и отчаяния» несет весь ее облик (5, 72).

Идея «социального проклятия» нашла отражение и на страницах «Преступления и наказания». «Мы вместе прокляты, вместе и пойдем!» — говорит Соне Раскольников, призывая ее разделить свою судьбу (6, 252). В рукописях эта мысль выражена несколько иначе: «А мы оба

²³ Это высказывание английского экономиста Т. Р. Мальтуса (1766–1834) приобрело широкую известность благодаря первому (1798) изданию его «Опыта о законе народонаселения», где утверждалось (в последующих изданиях книги оно не воспроизводилось из-за громкого негативного резонанса): «Человек, пришедший в занятый уже мир, если родители не в состоянии прокормить его или если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности — он лишний на земле. На великом жизненном пиру нет для него места» (цит. по: Библиков П. А. Жизнь и труды Мальтуса // Мальтус. Опыт о законе народонаселения, или Изложение прошедшего и настоящего действия этого закона на благоденствие человеческого рода, с приложением нескольких исследований о надежде на отстранение или смягчение причиняемого им зла: В 2 т. СПб., 1868. Т. 1. С. 12). А. И. Герцен в «Письмах из Франции и Италии» назвал высказывание Мальтуса «поэтической сентенцией» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 5. С. 61).

²⁴ Гюго В. Собр. соч. Т. 6. С. 166–167.

прокляты — пари общества» (7, 185). Формула «пари общества» была впервые применена Достоевским в 1862 г. к героям «Отверженных» Гюго в предисловии к публикации перевода романа «Собор Парижской Богоматери» (20, 28), напечатанного в журнале «Время». Г. М. Фридендер считал, что с «Отверженными» было связано и отнесение формулы «пари общества» к героям «Преступления и наказания»²⁵.

Вернемся к словам Раскольникова: «...мы оба прокляты». Какое же проклятие имеет в виду Достоевский — человеческое или Божие? «Социальное проклятие», конечно же, предполагает злобу и жестокость «от человек», но нет ли здесь, в словах Раскольникова, намек и на иной исток его с Соней несчастий, которые Достоевский живописал на страницах своего романа? Проклятие как важная тема пронизывает множество библейских сюжетов, поэтому цитирование Библии, требующее внимания к контексту того или иного высказывания о нем, может значительно утяжелить наше исследование, не проясняя тем не менее мысль Достоевского. Причем сразу же нужно отметить, что церковь никогда не оставалась равнодушна к тем проклятиям, которые расточают люди ближним своим, о чем свидетельствует, в частности, такое таинство, как соборование: шестая молитва в его последовании говорит о снятии клятв (т. е. проклятий) с кающегося человека, ожидающего облегчения своего, чаще всего болезненного состояния. Чтобы вывести читателя из круга сложных хитросплетений молитвенно-библейских текстов, обратимся лишь к одной вероучительной книге, которую Достоевский хорошо знал. Это «Пространный христианский катехизис» митрополита Филарета (Дроздова). В 1863 г. Достоевский купил его в издании 1861 г.²⁶ А для кого он его купил? Конечно, для себя; это серьезная богословская книга, знакомство с которой, по-видимому, отразилось уже в «Преступлении и наказании». «Новые трихины» из сна Раскольникова — это, по словам Достоевского, «духи, одаренные умом и волей» (6, 419). Согласно катехизису, умом и волей наделены в мироздании все ангелы, в том числе злые, т. е. «дьяволы», как пишет святитель²⁷. «Трихины» — это художественный образ, но за ним стоит ясное представление о том, что это за «одаренные умом и волей» духи.

Посмотрим, какой ответ в «Катехизисе» дается на вопрос «что такое проклятие». «Проклятие — это осуждение греха праведным судом Божиим, а также осуждение зла на земле, происшедшего в наказание людям от их греха. Бог сказал Адаму: Проклята земля за тебя (Быт. 3: 17)»²⁸. Таким образом, в «Катехизисе» нет проклятия от человека, а есть только от Бога. Вот в этой точке и сходятся воззрения Достоевского

²⁵ Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. С. 189.

²⁶ См.: Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции, науч. описание / Отв. ред. Н. Ф. Буданова. СПб., 2005. С. 281–282.

²⁷ [Филарет (Дроздов), митр.] Пространный христианский катехизис православной, католической, восточной церкви. Изд. 56-е. М., 1858. С. 31–32.

²⁸ Там же.

на проклятие (и прежде всего родительское) со здоровым церковным учением. Нет у человеческих проклятий власти над христианской душой, живущей верой и покаянием. Достоевский через поиск правды Божией, через сострадание и любовь к человеку пришел к пониманию того, что проклятия человеческие только увечат жизни и души. Он смотрел на эти явления без налета мистики, рационально, трезво.

Для Парадоксалиста в «Записках из подполья» Достоевского проклятие является одним из способов того, чтобы «настоять на своем»: «... выдумает разрушение и хаос, выдумает разные страдания и настоят-таки на своем! Проклятие пустит по свету, а так как проклинать может только один человек (это уж его привилегия, главнейшим образом отличающая его от других животных), так ведь он, пожалуй, одним проклятием достигнет своего, то есть действительно убедится, что он человек, а не фортепьянная клавиша!» (5, 117). В вопросе о проклятиях позиция Достоевского совпадала с позицией литературного лагеря, собравшегося вокруг «Современника» и «Русского слова»²⁹. Здесь нужно иметь в виду и то, что в конце 1850-х — в 1860-х гг. шел исторический поток интереснейших публикаций по русской истории, по истории старообрядчества, в которых затрагивается тема церковных анафем. Изображавшиеся в связи с ними факты не вызывали сочувствия у русского читателя. Человеческие проклятия и церковные анафемы выстраивались в его представлении в одну проблемную линию (это очень сложная тема, и в настоящей статье мы лишь указываем на нее).

У Достоевского, при всей близости его воззрений на феномен проклятия с радикальным литературным лагерем, нет свойственного ему налета сатиры. Достоевский желает просвещения народа, но не высмеивания его верований. Именно поэтому он так серьезен при разработке сюжетных ситуаций, осложненных проклятиями. Что же касается преломления в его творчестве идеи «социального проклятия», то здесь высвечивается важная особенность идеологии Достоевского. Как известно, консерватизм стоит на трех китах — монархизм, религия, незыблемость естественного неравенства людей. Последний постулат абсолютно неприемлем для Достоевского. Об этом применительно именно к идеям, воспринятым Достоевским в «Отверженных», убедительно писал Г. М. Фридлендер. Убеждения Достоевского, конечно, настораживали консерваторов, в частности редакцию «Русского вестника», куда писатель отправил свой роман «Преступление и наказание». У Достоевского много общих идей с радикальным лагерем, и не в последнюю очередь поэтому его Раскольников так притягателен. Сочувствие к «париям общества» — отражение той особой позиции Достоевского,

²⁹ Тему «злоупотребления родительской властью» (а к ней, несомненно, относились и родительские проклятия) Достоевский впоследствии неоднократно поднимал в «Дневнике писателя», считая, что в этой области нужно неустанно и бесстрашно изобличать, преследовать и исторгать «плебель» (см. «Дневник писателя», 1876, февраль, статья «Семья и наши святыни»: 22, 72).

которому была чужда убежденность консерваторов катковского толка в неизбежности принципа естественного неравенства людей.

В 2010 г. в Москве нашими историками была выпущена энциклопедия очень хорошего научного уровня «Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века». В этой энциклопедии есть статья о почвенничестве, но нет статьи ни о Ф. М. Достоевском, ни о «Дневнике писателя» (хотя есть, скажем, статьи о М. Н. Каткове и «Русском вестнике»). Тема проклятия в творчестве Достоевского ярко раскрывает, как нам кажется, оригинальность его убеждений, которые Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» справедливо характеризовал как консерватизм «особый, перемешанный с революционностью»³⁰.

Библиографический список

- Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 8.
Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. [Репр., 1955].
Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Библиотека для чтения. 1862. Т. 169, № 2.
Библиотека Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции, науч. описание. СПб., 2005.
Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М., 1954. Т. 6.
Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 5.
Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб., 2014. Т. 2, 3.
Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1957. Т. 4.
Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953.
Мальтус. Опыт о законе народонаселения: В 2 т. СПб., 1868.
Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. М., 2000. Т. 3.
Палеовой Н. А. Избр. произведения и письма. Л., 1986.
Помяловский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1935.
Тишкин Г. А. Женский вопрос в России (50–60-е годы XIX в.). Л., 1984.
Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854–1862. Л., 1980.
Филарет (Дроздов), митр. Пространный христианский катехизис православной, католической, восточной церкви. М., 1858.
Фридендер Г. М. Достоевский и мировая литература. Л., 1985.
Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 11.

Berezkina S. V. Subject of curse in Dostoevsky's works (from *The Landlady* to *Crime and Punishment*)

Key words: curse as a religious and social-public phenomenon, “social curse”, *The Landlady*, *Humiliated and Insulted*, *Notes from Underground*, *Winter Notes...*, *Crime and Punishment*.

In the article the phenomenon of a curse is considered, rather as a fact of the social and public life than of the religious one. Dostoevsky's art development of

³⁰ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. [Репр., 1955]. С. 71.

phenomena involving some curse was in line with the ideological struggle of that time, in connection with the ideological struggle of the most advanced writers. The article gives examples of Dostoevsky consensus with them in solving the complex ethical problems generating a curse and problems generated by a curse. The article gives also examples of Dostoevsky's polemical differences with them, that characterize his original philosophical-religious and social position.

References

- Belinskii V.G. *Poln. sobr. soch.*: In 13 vols. Moscow, 1955. Vol. 8.
- Berdyyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Moscow, 1990. [Repr., 1955].
- Berdyyayev N.A. *Filosofiya tvorchestva, kultury i iskusstva*: In 2 vols. Moscow, 1994.
- Biblioteka dlya chteniya*. 1862. Vol. 169, N 2.
- Biblioteka F.M. Dostoyevskogo. Opyt rekonstruktsyi, nauch. opisaniye*. Saint Petersburg, 2005.
- Chernyshevskii N. G. *Poln. sobr. soch.*: In 15 vols. Moscow, 1939. Vol. 11.
- Dobrolyubov N. A. *Sobr. soch.*: V 9 t. Moscow; Leningrad, 1962. Vol. 5.
- Dostoyevskii F. M. *Poln. sobr. soch.*: In 35 vols. Saint Petersburg, 2014. Vol. 2, 3.
- Filaret (Drozdov), mitr. *Prostrannyi khristianskii katekhizis pravoslavnoi, kafolicheskoj, vostochnoj tserkvi*. Moscow, 1858.
- Fridlender G. M. *Dostoevskii i mirovaya literatura*. Leningrad, 1985.
- Hugo V. *Sobr. soch.*: In 15 vols. Moscow, 1954. Vol. 6.
- Leskov N. S. *Sobr. soch.*: In 11 vols. Moscow, 1957. Vol. 4.
- Losskii N. O. *Dostoevskii i ego khristianskoye miroponimaniye*. New York, 1953.
- Mal'tus. *Opyt o zakone narodonaseleniya*: In 2 vols. Saint Petersburg, 1868.
- Pisarev D. I. *Poln. sobr. soch. i pisem*: In 12 vols. Moscow, 2000. Vol. 3.
- Polevoi N. A. *Izbr. proizvedeniya i pis'ma*. Leningrad, 1986.
- Pomyalovskii N. G. *Poln. sobr. soch.*: In 2 vols. Moscow; Leningrad, 1935.
- Tishkin G. A. *Zhenskii vopros v Rossii (50–60-e gody XIX v.)*. Leningrad, 1984.
- Tunimanov V. A. *Tvorchestvo Dostoyevskogo. 1854–1862*. Leningrad, 1980.